

КУЛЬТУРА

Семья Косманов среди языков и культур. Лингвисты, писатели, редакторы

Иван Толстой

17 мая 2026

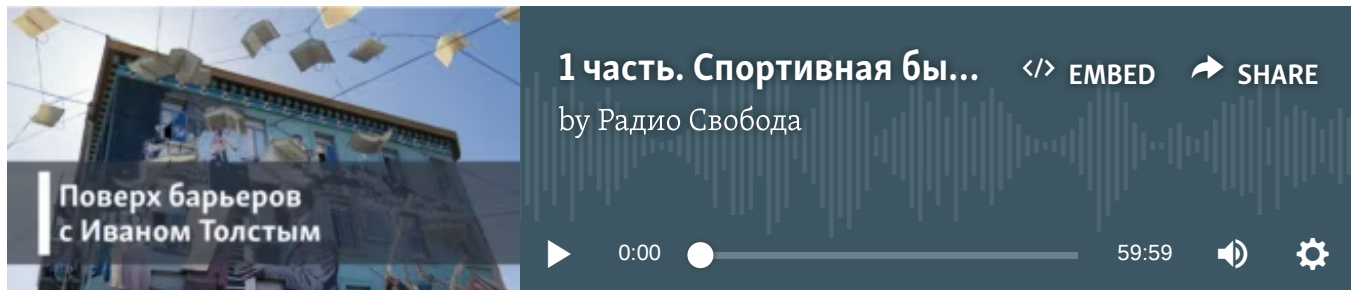
Родители Нины Косман в Нью-Йорке

Как обойти блокировку?

читать >

Иван Толстой: Моя сегодняшняя собеседница Нина Косман - поэт, прозаик, драматург, художник, она пишет на русском и английском языках. Эмигрировала в Советского Союза с семьей в 1972-м. Ее стихи и проза переводились с английского на французский, испанский, греческий, японский, иврит, персидский, итальянский, датский и голландский.

↗ Pop-out player

↓ Скачать медиафайл ↘

По-русски она публиковалась в журналах *Знамя*, *Урал*, *Новый Журнал*, *Волга*, *Интерпоэзия*, *Артикуляция*, *Новый Берег*, *Новый Иерусалим*, *Среда* и прочих. Первый сборник стихов на русском был опубликован в издательстве «Художественная литература» в 1990 году.

Несколько пьес было поставлено в американских театрах. Роман "Царица иудейская" был сначала опубликован на английском под псевдонимом NL Herzenberg, потом переведен на русский. Среди других книг Нины Леонидовны сборник короткой прозы "Оправдание мартышки", "Мисс Нина, вы мусульманка?", "По правую руку сна" и другие.

Стихи Марины Цветаевой в переводе Нины Косман на английский опубликованы в американских литературных журналах и книгах. Картины выставлялись в Нью-Йорке, Филадельфии, Нью-Джерси, Вермонте и Ванкувере.

Литература у Нины в крови, ее брат Михаил был поэтом, а отец Леонид – известнейший лексикограф, знаток немецкого и английского, составитель словарей и справочников.

Нина Косман

Нина Косман: Семья моего папы была, в основном, немецко-язычной; особенно со стороны его мамы, предки которой жили Латвии с начала 17 века; в 19 и начале 20 века они говорили на немецком. Я была в Пильтене, маленьком городке на западе Латвии – это было первым местом, где жили первые евреи Латвии; почти половина всех надгробий на старом еврейском кладбище в Пильтене – Герценберги, могилы моих предков. До прихода советской власти немецкий был языком евреев в Латвии – не во всей Латвии, а в тех ее областях, которые когда-то назывались Курляндией и Ливонией.

Иван Толстой: Расскажите, пожалуйста, о вашем отце.

Нина Косман: Он был очень умён, талантлив и при этом искренне скромн — презирал хвастовство и то, что по-английски называется *selling oneself*. Даже близкие друзья не знали, что именно он автор статей в немецких и русскоязычных газетах. Здесь, в Нью-Йорке (а раньше в Кливленде), его друзьями были в основном немецкоязычные евреи, покинувшие Германию до или после войны. Немецкий был его первым, главным языком: он учился в рижской немецкой гимназии, дома говорили по-немецки, русский был вторым родным, латышский — третьим. Всего он знал четырнадцать языков. До войны писал рецензии на пьесы рижского Еврейского театра (на идиш) — писал их по-латышски для газеты «Циния». Именно работа в латышской газете позволила ему покинуть Латвию за несколько дней до оккупации.

Courtesy Photo

Леонид Косман до второй мировой войны. Рига

Родился он не в Риге, а в Москве, в богатой европейской семье. В Лондоне с раннего детства жили его отец Стефан Косман и дед Леонтий Косман. Ко времени рождения папы его родители жили в Москве, где находился один из филиалов фирмы его отца (другой филиал был, кажется, в Лейпциге). Было это до революции и жили они в десятикомнатной квартире на Первой Мещанской (ныне проспект Мира). У бабушки было трое слуг: повар, горничная, гувернантка; в гостиной были витражи. Всё кончилось в феврале 1918-го: папины родители бежали от большевиков в независимую Латвию, взяв с собой двухлетнего сына – моего папу – и его сестру.

Семья Косманов до революции в Москве. Сокольники, 1911 год

Ехать этой семье *буржуев* пришлось в теплушке. Могли бы эмигрировать, как многие другие белые эмигранты того времени, во Францию или Германию... Латвию выбрали, потому что бабушка Рут Косман была родом оттуда; её предки жили в Латвии с семнадцатого века. В Риге жил её отец, Исидор Бренсон — известный врач и историк балтийской медицины. Его книги на немецком, изданные на рубеже XIX–XX веков, переиздаются до сих пор, некоторые получили университетские награды в Америке. Их до сих пор можно найти на Amazon — тяжёлые тома с готическим шрифтом.

Исидор Бренсон, врач и историк медицины. Рига

Лет четырнадцать назад я обратилась в латышский архив с просьбой найти материалы о моей семье. В ответ я получила целую папку документов — гораздо больше, чем ожидала. Среди прочего там был табель, выданный моему папе рижской немецкой гимназией в 1930 году.

Это был не лучший год в его жизни. В начальной школе он считался одним из лучших, получал «sehr gut» и «ausgezeichnet». В гимназии же почти по всем предметам стояло «genügend» — удовлетворительно. Исключение составляли лишь пение и история, за которые он получил «sehr gut». Папа рос в ассимилированной семье: дома говорили по-немецки, по-русски, а латышским пользовались только на улице. Еврейской идентичности у него почти не было — до тех пор, пока он не оказался в гимназии, где все ученики, кроме него и его друга Руди, были балтийскими немцами.

“ Он вступил в две еврейские подростковые организации

Именно там он впервые осознал себя «другим». Он вступил в две еврейские подростковые организации. В VJSG, где еврейские ученики из всех рижских школ раз в неделю обсуждали доклады, папа так

активно участвовал, что его пригласили в руководящий совет. Одновременно он занимался в сионистском кружке «Авивия», где требовали не только знаний истории, но и самообороны. Когда он и его друг Пол решили покинуть «Авивию», их объявили предателями и запретили с ними разговаривать.

Из-за этих занятий папа почти каждую неделю просил бабушку писать записки для школы — головная боль, живот. Когда прогулы стали ежедневными, бабушку вызвали к директору, и ей пришлось услышать, что её сын больше не в числе лучших учеников.

В 1933 году Гитлер пришёл к власти. Хотя Латвия оставалась независимой, учителя и директор гимназии, будучи этническими немцами, восприняли это событие как своё. Подробностей я не помню — папа рассказывал давно, когда я была совсем маленькой. Помню только, что однажды на уроке истории учитель герр Норр велел всем встать в знак солидарности с бойкотом еврейских магазинов в Берлине. Папа и его друг Руди остались сидеть. До того дня у папы были прекрасные отношения с герром Норром — тот выделял его среди класса, обсуждал с ним политику. С приходом Гитлера разговоры прекратились. Папу и Руди вызвали к директору: их отказ заметили официальные лица немецкой культуры в Латвии. Директор дал понять, что если они кому-то расскажут о случившемся, на выпускных экзаменах им не избежать серьёзных проблем.

“ Когда учителю приходилось упоминать Гейне, он называл его «скупым еврейским рифмоплётом»

Особенно папа запомнил герра Махсинга, преподавателя немецкой литературы. Тот годы напролёт с восторгом говорил о Генрихе Гейне как о величайшем немецком поэте. Но после 30 января 1933-го словно забыл всё. Когда ему приходилось упоминать Гейне, он называл его «скупым

еврейским рифмоплётом» и «не-немецким версификатором, принёсшим огромный вред». В июне 1933 года папа сдал выпускные экзамены и вздохнул с облегчением. С нашей точки зрения, радовался он рано. Но тогда он ещё не знал, что его ждёт впереди.

В начале в 1980-х вышел фильм «Выбор Софи». В 1982 году мы с папой пошли его смотреть. Всё было как обычно, но когда на экране появился дым из крематория Освенцима — в воспоминаниях Мерил Стрип, — папа встал и пошёл к выходу. Соседи возмущённо зашептали: «Кощунство уходить, когда дым идёт из труб... Это было! Это правда!» Мне было неловко из-за их неодобрения. В фойе папа сказал: мне незачем смотреть на этот дым, потому что эти сцены — профанация.

Позже, когда друзья хвалили фильм, я повторяла его слова. Родители почти ничего не рассказывали мне о погибших родных, даже о бабушке, и тогда я ещё не могла сознательно понять, что имел в виду отец. Я только смутно что-то чувствовала. Лишь в конце девяностых — начале двухтысячных, когда я всерьёз занялась историей семьи и раскопала около сорока имён — расстрелянных нацистами в лесах Латвии и Украины, — я поняла. Для папы тот дым на экране был профанацией, как, например, чужие пафосные речи на похоронах человека, которого оратор никогда не знал.

Профанация — это когда хочется сказать: это мои мёртвые, не прикасайся к ним грязными руками.

Иван Толстой: О чем любил рассказывать отец?

“ В день отъезда он вложил купюру между подошвами

У меня нет той двадцатифунтовой купюры, которую мой юный папа спрятал в подошве ботинка перед поездом из Риги в Париж в 1934 году. В Риге он подрабатывал уроками английского и немецкого, на них и купил

билет. Но вывоз иностранной валюты из Латвии был запрещён, поэтому папа попросил знакомого сапожника сделать двойную подошву на правом ботинке. В день отъезда он вложил купюру между подошвами. В Париже он сразу нашёл квартиру своего дяди Тео — известного художника Теодора Бренсона — и вынул

деньги из ботинка. На следующее утро дядя помог найти обменный пункт. Сколько франков папа получил за двадцать фунтов, я не знаю: понятия не имею о курсе 1934 года. Наверное, легко бы нашла в интернете, но столько лет прошло, что это уже не важно. Впервые я услышала эту историю в раннем детстве, задолго до того, как научилась находить Париж на карте Европы.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Рухнувшая стена

Еще он иногда рассказывал о прошлом своей «буржуазной» семьи и о том, как покинул Ригу за три дня до немецкой оккупации. Всю жизнь винил себя, что не спас мать: уговаривал её уехать из Риги, но она боялась большевиков — тех самых, от которых когда-то бежала из революционной Москвы в независимую Латвию. Изредка он говорил и о том, как, покинув Ригу в начале войны, скитался по Поволжью – и как его принимали за немецкого шпиона. Он написал об этом в своих воспоминаниях по-английски, я перевела на русский. Вот очень сокращенный вариант:

В Нижнем Новгороде он сел на пароход до Астрахани. На борту добрая женщина устроила ему бесплатную еду, другая дала адрес для ночлега. Но в Астрахани выяснилось, что та женщина ждала от него любовных услуг. Папа поблагодарил и вернулся переночевать на пристани, а оттуда — обратно в Нижний Новгород.

“ Папа понял: прочтёшь — сочтут шпионом. Он сказал: «Я не знаю этого языка»

Там он случайно встретил декана своего рижского университета. Тот пригласил его в гости, но папа заночевал в парке. Утром, когда он собрался открыть дверь подъезда дома декана, милиционер арестовал его и привёл его в участок. Там велели прочитать

вслух немецкую газету. Папа понял: прочтёшь — сочтут шпионом. Он сказал: «Я не знаю этого языка». И его отпустили.

Он спросил у каких-то прохожих, где найти жилье. Они посоветовали трамвай № 12, ехать до конечной—что он и сделал. Выйдя из трамвая, он сразу привлёк к себе внимание: на нём был бельгийский пиджак. За пять минут собралась толпа, кричавшая: «Немецкий шпион! Посмотрите, как он одет!» Пришли милиционеры. Когда в участке папа сказал, что он латышский беженец, ему не поверили, но к счастью, при нём оказалось письмо от латышской газеты. Милиционер позвонил в

эвакуационный комитет – известен ли им этот человек, – и там нашлась регистрация беженца. «В следующий раз будьте осторожней», — сказали ему и отпустили в десять вечера.

Иван Толстой: Стала ли Америка ему близкой?

Главной его целью было уехать из СССР. Куда — зависело от работы. В Израиле папа вел курс немецкого в Хайфском университете, мама работу не нашла. Европа была ему ближе, но советских беженцев тогда принимали лишь несколько стран. Папа нашел работу в Америке. Сначала мы жили в Кливленде, где он преподавал немецкий и русский, потом переехали в Нью-Йорк.

Здесь он вернулся к довоенной профессии журналиста. После войны в Советском Союзе он не мог писать правдиво — и молчал. В Нью-Йорке он снова начал писать: по-немецки и по-русски. Его статьи выходили в *Aufbau*, основанном в 1934 году беженцами из гитлеровской Германии (где прежде печатались Арндт, Эйнштейн и Томас Манн), и в немецкой *Staats Zeitung*. По-русски, под псевдонимом К. Фриман, его публиковала парижская «Русская мысль».

Нина Косман с отцом. Фотография для выездной визы, 1972 год

У меня до сих пор хранятся пожелтевшие вырезки. Расскажу о папиной работе в *Staats Zeitung* и о его учебниках.

В советские шестидесятые два его учебника немецкого вышли в издательстве «Международные отношения» и три десятилетия использовались во всех университетах СССР. В Нью-Йорке же он писал самоучители английского для русских иммигрантов — уже не ради удовольствия, а чтобы прокормить семью. И он достиг цели: в конце семидесятых и в восьмидесятые его учебники английского пользовались огромным спросом среди бывших советских граждан в США, Канаде и Австралии.

Всё изменилось в 1991 году, когда ворота СССР наконец открылись. Сотни тысяч людей бросились учить английский, и папины учебники стали настолько популярны на территории развалившегося Союза, что появилось множество мелких издательств, единственной целью которых была перепечатка папиных учебников. Сколько их было — десять, сто, пятьсот, — мы так и не узнали. Большинство из этих фирм существовали без адреса, под фиктивным названием, им было плевать на международный закон об авторском праве, они печатали гигантские пиратские тиражи, получали прибыль и бесследно исчезали. Как именно папа узнал о пиратских изданиях, я точно не помню — вероятно, знакомые прислали из России. Но главное: он ничего не мог с этим поделать. По ту сторону Атлантики, без возможности нанять адвоката, он был бессилён против российского беззакония девяностых.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Судьба за нами шла по свету. "Рогинские чтения" в Берлине

Когда папа совсем состарился и уже не мог следить за своими книгами, кто-то купил его авторские права за ничтожную сумму — какую именно, уже не помню, да это и не важно. Я позвонила этому человеку, и он прислал мне по факсу документ с папиной подписью. Папа был тогда уже настолько слаб, что едва доходил до кресла, и такие пустяки, как авторское право, его больше не волновали.

Иван Толстой: Расскажите, пожалуйста, о вашей матери.

Нина Косман: Моя мама Майя Штернберг осталась одна в семнадцать лет, когда моего деда Бориса Акимовича Штернберга арестовали в октябре 1937-го и расстреляли как «врага народа». Вскоре пришли за бабушкой — её отправили в лагерь для жён «врагов народа». Мама почти не говорила о своей юности, и лишь однажды, когда мне исполнилось девятнадцать, рассказала, как ездила в лагерь в Мордовии передать лекарства бабушке.

Courtesy Photo

Майя Штернберг незадолго до ареста ее отца, 1937 год

Из её короткого рассказа мне запомнилось больше всего, как она увидела колонну женщин, медленно двигавшуюся к баракам. Женщины ещё не замечали её. Когда они подошли ближе, она увидела, что колонну окружают охранники — в одной руке поводок с собакой, в другой винтовка. Женщины, укутанные в тряпки поверх или вместо тулупов, брели неровно. Теперь маме стали видны их лица — лица жён советских учёных и художников; казалось, вся женская элита возвращается в барак после трудового дня.

Вдруг одна из женщин в начале колонны, увидев мою 17-летнюю маму, закричала, назвав ее по имени. Теперь её заметили другие. Женщина, которая выкрикнула её имя, упала в снег. Колонна замерла. «Майя! Маечка!» — кричали женщины. «Мещанская, двадцать пять, квартира одиннадцать! Передай сыну, что я жива!», «Скажи брату на Горького, пятьдесят один!», «Скажи моей маме, что я жива, Сивцев Вражек, двадцать один!» Майя – моя мама – хотела броситься к ним, но залаяли собаки, подбежали охранники — и её глаза наполнились водой. Она побежала, спотыкаясь и падая в снег, чтобы не пропустить ни слова. «Петровка, тридцать три... Скажи моим детям, что я ещё жива...» Потом она упала и не могла подняться. Лёжа в снегу, она слышала, как женщины передавали друг другу: «Она упала... Она упала...» И эхо эти слов ещё долго звучало в воздухе.

Когда она пришла в себя, колонны уже не было — только тёмное облако, таявшее вдали. Была ли среди тех женщин её мама? Может, та, что первой произнесла её имя и была ее мама? Та, что упала в снег?”

Майя Штернберг со своей матерью, микробиологом, после ее освобождения из лагеря. 1944.

После войны мама училась в МГУ на кафедре физиологии растений, изучала нуклеиновые кислоты, писала научные статьи, в 60-е годы работала старшим научным сотрудником в ВИНТИ. Уволилась за несколько месяцев до нашего отъезда в 1972-м – как только подали документы в ОВИР. В Америке она много лет работала редактором в издательстве Academic Press.

Мама мало говорила о своей жизни, и лишь после её ухода я узнала, что в 1955 году она подписала так называемое «Письмо трёхсот», благодаря которому Трофим Лысенко — проклятие советской биологии и генетики — лишился должности. Чтобы подписать такое письмо в те годы, нужно было быть очень смелой. Несколько лет назад я получила письмо от историка советской биологии. Он искал не меня, а мою маму, Майю Борисовну Штернберг, и знал о ее жизни в науке, в период, совпавший с самой тёмной эпохой советской науки, гораздо больше, чем я.

“ Сразу после сессии ВАСХНИЛ её уволили из МГУ, как и всех, кто занимался настоящей наукой

В 1948 году на Августовской сессии ВАСХНИЛ Лысенко выступил против «буржуазной» генетики. Мама, тогда ещё совсем молодой, подающий надежды биолог, успела защитить диссертацию о тунге за два месяца до сессии ВАСХНИЛа. Хорошо, что успела: сразу после сессии

ВАСХНИЛ её уволили из МГУ, как и всех, кто занимался настоящей наукой, а не лысенковской «мичуринской агробиологией». Среди уволенных был Дмитрий Анатольевич Сабинин, её любимый руководитель, чьи лекции гремели на весь университет. Ныне его именем названа малая планета.

Мама родила меня уже за сорок. К тому времени она стала молчаливой—события юности приучили её к сдержанности. Не зная подробностей, я выросла со словом «лысенковщина» и знала, что Сабинин, сделавший для науки так много, фактически стал изгоем: от него отвернулась жена, его сняли с кафедры физиологии растений. Как вспоминала мама, после злополучной сессии она пришла в университет и увидела замок на его кабинете. Три года спустя в ссылке в Голубой Бухте он застрелился.

Мама по себе знала, что такое изгойство: с 1937 года она была дочерью «врага народа» — это был первый удар. Вторым стала борьба Лысенко с биологией и генетикой. Сабинин помог ей устроиться внештатной лаборанткой на кафедре физиологии растений в МГУ, и она защитила диссертацию по нуклеиновым кислотам. Но когда мы уезжали в Израиль в 1972 году, мы оставили мамину диссертацию на подоконнике — не могли передать голландскому консулу. Всё это, кроме последней детали, я узнала не от неё, а от человека, который знал что произошло с каждым из опальных биологов того времени — и в частности, с моей мамой — гораздо лучше меня.

“ Государство считало «искусством» даже детские рисунки

В семидесятые эмигрантам из СССР запрещали вывозить рукописи, старые книги, произведения искусства. Поскольку у Советского Союза не было дипломатических отношений с Израилем — а ехали тогда

почти исключительно в Израиль, — запрещённые вещи можно было передать голландскому консулу, который возвращал их владельцам уже на свободе. Но существовал лимит.

Родители хотели отдать консулу мамину диссертацию. Но я сказала, что не уеду без своих акварелей. Государство считало «искусством» даже детские рисунки, и родителям пришлось выбрать между маминной диссертацией и моими рисунками. Они выбрали мои рисунки.

В день, когда мы навсегда покинули Советский Союз, на подоконнике пустой квартиры осталась картонная коробка с маминной диссертацией — и рядом коробка поменьше с папиными медалями. Для тех, кто въехал после нас, это, конечно, был просто мусор.

Папа не жалел, что оставил медали. Он показал мне свои медали лишь раз, на секунду, и сказал, что гордиться здесь нечем: быть солдатом на войне, истребившей миллионы, в том числе почти всю его семью, не имеет отношения к гордости, и носить медали было бы абсурдно.

С маминой диссертацией было иначе. Я не сомневаюсь, что она жалела.

Леонид Косман со своими студентами в Москве перед эмиграцией

Иван Толстой: Давайте поговорим и о вашем журнале.

Разговор о моём журнале EastWest Literary Forum — это разговор о двуязычии. Мне кажется, картина Шагала «Давид и Вирсавия» — идеальный образ двуязычия: одна часть души русская, другая — английская, французская, немецкая, израильская. Шагал, конечно, думал о другом, о единении в любви. У человека в этой картине одна сторона лица женская, другая — мужская, и разумеется, я не хочу сказать, что двуязычный писатель / поэт это нечто вроде гермафродита, но раздвоение личности — на русскоязычную и англоязычную — делает такого писателя другим существом, не похожим на пишущих на одном языке. И когда я создала этот журнал, оказалось, что таких людей гораздо больше, чем я предполагала.

Я задумала его как форум; как место встречи поколений, предоставляющее возможность родившимся на территории бывшего Советского Союза объяснить

свой взгляд на мир новому поколению - нашим детям, появившимся на свет и выросшими на Западе. Родившиеся в Советском Союзе или на постсоветском пространстве могут здесь объяснить – стихами и прозой – своим детям, кто они, почему они так странно реагируют на события и окружающий мир. Пропась между нами неизбежна. Мы унаследовали травму целых поколений, которую почти невозможно объяснить ни нашим западным знакомым, ни нашим детям, рождённым здесь, в Америке. Моя задача не академическая, а насущная: попытаться эту пропасть сузить.

Я публикую не только двуязычных авторов, но и переводы стихов и прозы с русского на английский и с английского на русский.

Иван Толстой: А ваш брат ведь тоже писал стихи?

Нина Косман: Мой брат писал прекрасные стихи, но публиковать их не стремился; амбиции, стремление к славе были ему совершенно чужды. Он даже не хранил свои стихи; только после его ухода я нашла в ящике стола наших родителей пакет с его стихами, которые я сама когда-то, много лет назад, дала на хранение нашим родителям. Прочту одно из его ранних стихотворений.

Михаил Косман

ОЗАРЕНИЕ ГАМЛЕТА

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет...
Николай Гумилев*

Что ты бредишь, могильщик. Я вспомнил,
Вспомнил все до последнего дня.
Был мой дух, как твой голос, надломлен,
И душа покидала меня.

Помню, мама звала меня "Йорик",
Клич отца на охоте впервой,

Сквозь затмение вечных попок
Слышу: “Йорик, я всюду с тобой”.

А потом были адовы стоны, –
Дюжий швед бросил наземь с коня.
Помню только земные поклоны:
Ты просила Творца за меня.

Что же после? От слез непросохших
Ее губы горчее, чем эль...
И конец: было небо над рощей,
В синеве исчезал журавель.

Да, я Йорик, ты слышишь, могильщик?
Хорони принца Гамлета тень.
Кто себя среди мертвых отыщет —
Совершенен и горд, как олень.

Отойди! Я не верю ни слову!
Был я глуп и убог, как овца.
Говоришь ты, могила готова?
Подожди! Я не вижу конца.

Подожди! Бесконечность я вижу,
Вон огни за кладбищем — не счесть.
Как больному опасную грыжу,
Вырезали Гамлетову честь.

Потуши бесполезный огарок!
Здесь светло мне, нашел я ответ.
Средь огней, что горят без помарок
И Офелии сыщется след.

Иван Толстой: А теперь прочтите, пожалуйста, Ваши стихи.

Нина Косман:

1

Видишь, как солнце прячет
ловко золотыми руками
память о смуглых предках —
в длинные языческие вазы;
тонкие руки солнца,
проворные желтые пальцы —
чтобы мы ничего не знали
о спокойных этрусских лицах,
о легком этрусском прахе
и о зеркале веков между нами и смертью

2

Желтизной подобий —
в наговор смородин:
здесь невинна память
и распутен снег.

Чтобы не сгрустнулось —
на тебе смородин.
Губы — как в помаде,
некуда их деть.

Как от поцелуев,
губы от смородин.
Только не смывай их!
Выкупай в снегу.

Вот тебе и буря
в чашке ли, в стакане ль.
Горсть таких смородин
ладить на стихи.

Только б не остыли
ото сна и бреда,
липлою гурьбою
ложась на писчий лист.

Да что листу до ягод!
Пусть даже и подобий!
...Сон на сон меняя,
и губы — на стихи.

Читайте Свободу в [Телеграме](#)

Сделайте Свободу приоритетным источником в [Гугл](#)

Установите Мобильное приложение
Радио Свобода

Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: [Герои Ив.Толстого](#)

Этот контент также в категориях

[Поверх барьеров с Иваном Толстым](#)

[Культура](#)

[Герои Ив.Толстого](#)